

ТАТЬЯНА
ТЭЯ

ИЗМЕНА
ОТЕЦ ПОДРУГИ
СПАС МЕНЯ

18+

Татьяна Тэя

Измена. Отец подруги спас меня

«Автор»

2026

Тэя Т.

Измена. Отец подруги спас меня / Т. Тэя — «Автор», 2026

<p>- Давай по-быстрому ещё разок.</p><p>- А я не хочу по-быстрому, - тянет Марина. По-быстрому уже было. Я хочу по-всякому.</p><p>- Сегодня не получится.</p><p>Господи сегодня? хватаюсь за живот, желудок хочет расстаться с содержимым. Сегодня? Так это давно продолжается?</p><p>- Ну, Муратик</p><p>- Марин, я с Ульяной. Если ты заметила. И так еле ускользнул, чтоб нам перепихнуться.</p><p>Ещё сильнее зажимаю рот ладонью, чтобы не закричать.</p><p>- Да за хрена ты эту овцу сюда потащил? Мы же договаривались, что вдвоём поедem.</p><p>- Сладкая моя, ты же знаешь уговор. Мне надо таскать её за собой, пока не даст.</p><p>- Она точно дура. Неужели до сих пор тебе не дала? Теряешь навык, Бойкий.</p><p>Не понимая, откуда берутся силы, толкаю слегка приоткрытую дверь спальни.</p><p>Двое мажоров поспорили на меня. А отец подруги спас. Он порочный, взрослый, властный. И я не могу перед ним устоять.</p>

© Тэя Т., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог	5
Глава 1	7
Глава 2	9
Глава 3	12
Глава 4	15
Глава 5	17
Глава 6	19
Глава 7	22
Глава 8	25
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Татьяна Тэя

Измена. Отец подруги спас меня

Пролог

– Пожалуйста, пусти, – пытаюсь оттолкнуть руки, которые настойчиво задирают мне юбку, гладят бёдра. – Пожалуйста, Толь, я не хочу.

– Ты чего такая грустная, Уляш? Ну изменил тебе твой Мурат. Я же рядом. Я могу утешить.

Липкие прикосновения и поцелуи, слишком крепкие, слишком болючие, терзающие мою шею, становятся невыносимыми. Мне плохо, силы закончились, а Райковский держит, словно в тисках зажимает.

– Не надо, Толь, ну пожалуйста, – хнычу.

Алкоголь, который я по дурости выпила растёкся по всему организму, проникая в каждую клеточку тела, и сделал меня лёгкой и безвольной. Я третий раз в жизни пробовала алкоголь. И впервые – такой крепкий. Голова кругом идёт. Это всё из-за Мурата. И его измены. Если бы я своими глазами их с Кокоревой не увидела, не поверила бы, что он на это способен.

– Ты такая сладкая, такая невинная, – шепчет Толя мне на ухо, придавливая к стене. – Вы с Муратом уже делали это? Он говорил, что ты не даёшь. Целка ещё? Да? Я буду аккуратным, обещаю. Тебе понравится. Я с целочками уже трахался. Раз и всё. Раз и всё. И больно не будет.

– Толь, я не хочу!

Не знаю, откуда силы берутся, но я всё-таки толкаю его в плечо довольно чувствительно.

– Да хватит ломаться, что ты из себя недотрогу-то строишь, а? – уже раздражённо.

Его ладони задирают тонкий топик, сжимают грудь, наглый язык врывается в мой рот. И тошнота подкатывает к горлу. В ушах лишь свист собственного дыхания и громкое пыхтение Райковского, пытающегося со мной совладать.

– Прекрати, ну прекрати, Толь. Ну не надо, пожалуйста. Не надо... пожалуйста, – мотаю головой.

Разве он слышит?

Слышит он только себя. Вернее, собственные мысли. Фантазии, где он идеальный любовник, а я только и жажду предложить ему себя.

Мне мерзко, отвратительно. Он сосёт и лижет мои губы. Горький привкус алкоголя у него во рту мне противен.

– Да ты расслабься. И не думай ты про Мурата. Он там Кокореву приходит, а ты чем хуже? Не маленькая уже.

От слов Райковского мне ещё хуже. Боль придаёт силы, и мне почти удаётся отлепить этого настойчивого идиота от себя. Настойчивого и опасного. Потому что вместе с болью накачивается паника. Толя меня не слушает. Трётся о меня пахом, упрямо кусает в шею и держит, словно в тисках.

Начинаю сопротивляться активнее.

– Нет, я не хочу! Пусти! Пусти!

– Хочешь, – рука его больно сжимает мою грудь и выкручивает сосок. – Хочешь, детка.

– Нет! – со слезами выкрикиваю. – Отстань. Отпусти. Пожалуйста!

Внезапно я свободна.

Настолько внезапно, что не могу устоять на ногах. Хватаюсь ладонями за кирпич, но не помогает.

Так и съезжаю вниз по стене, к которой Райковский меня прижимал.

– Что здесь, на хрен, происходит? – грозный властный голос звучит над моей головой.

Глава 1

– Ты чего сжалась? Думаешь, съем тебя? – Райковский прижал меня к стене в коридоре. Мы на вечеринке в загородном доме моей подруги Милены. Я не хотела ехать, но Мурат, мой парень, пообещал, что мы будем, и вот я здесь.

Я то здесь. И он здесь... где-то. Но не со мной. Пропал полчаса назад. Сказал сходит на кухню за соком для меня, потому что на столе в гостиной только алкогольные напитки, и пропал куда-то.

– Толь, отстань, пожалуйста, – попыталась обойти навязчивого однокурсника, но не тут-то было.

– Ульяна, ну серьёзно. Я же бегаю за тобой, как дикая собака Динго, пятки твои лизать готов, а ты динамишишь.

– Не надо мне ничего лизать.

– А я бы полизал, – кривит губы в ухмылке, затем высовывает язык и двигает им из стороны в сторону многозначительно.

– Фу на тебя! – толкаю его в плечо и хочу пройти. – И вообще, у меня парень есть, забыл? Райковский усмехается.

– Я то не забыл, но Муратик уже по ходу и не помнит, что с тобой сюда приехал.

– Прости?

– Да он с Кокоревой в спальне наверху закрылся. Или не закрылся. Кажется, их ничего не смущает.

Перед глазами на мгновение темнеет. И в ушах шум. Секунду назад я была обеспокоена лишь долгим отсутствием Мурата. А теперь земля уходит из-под ног. Они просто перестают меня держать. И я невольно наваливаюсь на Анатолия, но быстро выпрямляюсь, когда его ладонь опускается на мои ягодицы.

Трясу головой, чтобы вернуться в реальность.

– Ты лжёшь! – заявляю твёрдо.

– Чего лгать-то, – пожимает плечами Райковский, прочищая горло. – Поднимись, да сама посмотри.

– И поднимусь!

– Вперёд! – подбородком указывает на лестницу. Затем добавляет с гаденькой улыбочкой. – Вторая дверь справа.

Хочется взлететь бегом по лестнице, но на самом деле, я с трудом волочу ноги, упираясь ладонью в стену. Это шутка ведь, да? Глупая и злая? Правильно? Еле-еле шевелюсь. Дышать даже больно. Я тут же вспоминаю дорогу сюда, как шептались Кокорева и Мурат на заправке. А стоило мне подойти и встать рядом, тут же замолчали, словно я прервала какой-то суперважный разговор.

– О чём вы с Мариной сплетничали? – спросила Мурата.

Но тот ответил: – Не выдумывай. Мы просто болтали.

Тогда выбросила этот момент из головы, а вот сейчас что-то вспомнилось.

Мы с Муратом уже почти пять месяцев вместе. Всё завертелось после новогодней вечеринки, куда меня затащила Милена. Мы с ней тоже недавно общаться начали. Я вообще сама по себе, и ещё недавно дружила с Сашкой, но её отчислили. Вернее, она академку взяла по состоянию здоровья. И я попала под крыло Милене. Она сама ко мне как-то подседа и слово за слово, мы разговорились. Оказалось, у нас немало общего. Почему-то ещё недавно я считала её высокомерной и заносчивой, но Милена очень милая, полностью оправдывает своё имя. И ведь благодаря ей у нас с Муратом всё завертелось.

А теперь... а теперь я словно раненное животное ползу к месту своей гибели.

С первого этажа сюда доносится музыка, но даже сквозь её завесу я слышу два голоса: один Мурата и второй Марины.

– Давай по-быстрому ещё разок.

Это Мурат... Я накрываю рот ладонью, чтобы не вскрикнуть. И прижимаюсь лбом к стене рядом с приоткрытой на пару сантиметров дверью. Мои глаза в шоке распахнуты. Это предательство! Предательство чистой воды!

– А я не хочу по-быстрому, – тянет Марина. – По-быстрому уже было. Я хочу по-всякому.

– Сегодня не получится.

Господи... сегодня? – хватаюсь за живот, желудок хочет расстаться с содержимым. – Сегодня? Так это давно продолжается?

– Ну, Муратик...

– Марин, я с Ульяной. Если ты заметила. Итак еле ускользнул, чтоб нам перепихнуться.

Ещё сильнее зажимаю рот ладонью, потому что изнутри поднимается рвотный спазм.

– Да за хрена ты эту овцу сюда потащил? Мы же договаривались, что вдвоём поедем.

– Сладкая моя, ты же знаешь уговор. Мне надо таскать её за собой, пока не даст.

– Она точно дура. Неужели до сих пор тебе не дала? Теряешь навык, Бойкий.

Бойкий – это фамилия Мурата. Его так друзья называют.

Бойкий козёл... формируется словосочетание в моей голове. И я, не понимая, откуда берутся силы, толкаю слегка приоткрытую дверь спальни.

Мурат сидит на краю постели, его футболка валяется на полу. А между его раздвинутых ног стоит Кокорева в одних стрингах. На округлой загорелой ягодице покрасневший след от руки Мурата. Он её шлёпал, что ли?

– А... – тянет Марина, окидывая меня презрительным взглядом. Её даже нагота не смущает. – Вот и овца прискакала. Сейчас блеять начнёт. Ну даже к лучшему.

– Ульяна... – на лице Мурата удивление от моего неожиданного появления. – Ульяна? – повторяет он.

А я смотрю на него, на Кокореву, потом снова на него. И стою. Просто стою и молчу. Застыв, будто мраморное изваяние на пороге комнаты, опустив руки по швам.

– Ты всё не так поняла, милая, – произносит он.

Но как-то издевательски у него выходит это «милая». Фальшиво.

А Кокорева начинает ржать.

– Не так поняла, да-да. Не так, Рассказова, ты эту жизнь поняла. – Её просто распирает. И Мурат, как замечаю, едва сдерживает смех.

Им весело.

Моя жизнь. Моя вера в людей. В него... В себя... Во что-то светлое, во что-то счастливое. Она рухнула. А им смешно.

– Господи... её сейчас, кажется, стошнит, – ахает Марина.

– Ульяна... Ульяна? – зовёт Мурат, наконец, приходя в себя.

Отодвигает от себя Кокореву и встаёт, чтобы подойти ко мне.

– Не приближайся, – выставяю вперёд руку. – Даже не думай.

– Ульяна, ты реально всё не так поняла.

– Я всё поняла, Мурат. Всё предельно ясно поняла. Я, может, и овца, как вы тут выразились, но не идиотка.

Мурат вздыхает, смотрит так, словно я наивный ребёнок, которого он обведёт вокруг пальца в два счёта своими лживыми заверениями.

– И что же ты поняла, Ульяша?

Вместо ответа у меня вопрос:

– С кем ты на меня спорил?

Глава 2

– Ни с кем, – отвечает он, но вижу, что врёт, потому что глаза бегают. – Я не спорил, Уля. Ты правда, мне нравишься.

Его взгляд, как мне кажется, на секунду теплеет. С него будто бы слетает привычная маска плохого мальчика, в которую я чуть не успела влюбиться. Может быть, он не врёт, и я действительно ему понравилась. Только этого оказалось недостаточно.

Мы ведь время вместе проводили, на свиданиях были, с друзьями отдыхали, я с ним делилась переживаниями и немного о прошлом рассказывала.

Дура!

Хорошо, что это случилось сейчас, – крутится в голове. – Хорошо, что сейчас увидела его истинное лицо. Ведь я почти сдалась. Он был близок к победе. Ещё бы немного и дождался. Уложил бы меня в кровать, а дальше... дальше бы бросил и друзьям про свою победу трепался. Ещё и в подробностях.

– Но, видимо, недостаточно.

– Я парень, у меня есть потребности.

– Конечно, – усмехаюсь. – Как сразу не поняла: я сама виновата. Потребности, значит, во всём виноваты. И ты удовлетворяешь их с такими, как она, – указываю на Кокореву.

Марина закатывает глаза и, наконец, натягивает платье, валяющееся на кровати.

– Да, с такими как я, – смеётся издевательски. – С нормальными. А ты поставь свою девственность, которой так гордишься, на полку, перевяжи бантиком и любуйся... лет сорок-пятьдесят любуйся, попутно наглаживая кошек. Надеюсь, они обоссут тебе всю квартиру. Именно в таком интерьере ты свою жизнь никчёмную и закончишь, Уляшка.

– Да заткнись ты, – бросает в её сторону Мурат. – Разошлась. Оскорбилась. – Потом снова поворачивается ко мне, но я пячусь.

Пячусь... и, развернувшись, убегаю к лестнице, слетаю на первый этаж и запираюсь в ванной комнате.

У меня зуб на зуб не попадает. Я дрожу. Меня колотит. Остатки самообладания покидают чат.

– Ды-ды-ды-ды-ды, – стучу зубами, пытаюсь выкрутить кран в раковине, чтобы пошла горячая.

В итоге ошпариваю руку под кипятком.

– Ай! Твою же... – хнычу сильнее, прижимаю руку к себе, дую на покрасневшую зудящую кожу.

Мне больно, но это приводит меня в себя. Возвращает в реальность. Только перед глазами до сих пор Мурат и голая Кокорева возле его ног.

Надо дышать... Я упираюсь ладонями в раковину, наклоняю голову, заставляю себя делать вдохи. Глубокие и полные. И тошнота, наконец, отпускает.

Меня пару раз рвало из-за нервов. При поступлении рвало. В балетном классе рвало, куда я проходила целый год по настоянию матери. Это была её мечта, не моя, так что каждая тренировка стала для меня адом. С отчётного концерта я угодила в больницу, потому что меня без конца тошнило, как оказалось от нервов, а не из-за отравления, как подумала мама. С балетом в итоге было покончено. А мама лишь приговаривала, что я сама загробила свою карьеру при идеальных данных.

Я среднего роста и худенькая. Ноги длинные, ровные, осанка красивая и руки изящные. Пластичные, как сказали на прослушивании. И танцевать мне нравилось когда-то. Только для себя, а не на публику. Но балетный класс и истерики матери отбили всякое желание продолжать.

Из зеркала на меня смотрит собственное отражение: длинные светлые волосы, карие глаза, покрасневшие от слёз, как и кончик аккуратного носа. Мурат говорил, что я красивая. Да, наверное, так и есть. Я, вроде, ничего... Как будто бы... Но внешности, как оказалось, ему недостаточно, как и моих личных качеств. Ему нужен секс. Он парень. У него потребности. И ждать он не захотел. Мало того поспорил с кем-то, что я ему быстро дам.

А я не дала. Хотя уже собиралась... Даже фантазировала на этот счёт. Как мы... Как он... Как я...

Вот дура! Я идиотка! Какая же я идиотка!

Накрываю лицо ладонями, чтобы утопить в них вой и рыдания, падаю на закрытую крышку унитаза и, сгорбившись в три погибели, реву.

Реву до икоты. До заложенного носа. До головной боли. Реву, что есть силы.

Чтобы раз и навсегда выплакать боль, которую Мурат мне причинил.

Это Райковский, – бьётся в темечке. – Он с Райковским спорил! А больше не с кем.

Толя начал меня преследовать примерно тогда же, когда Мурат обласкал своим вниманием. С Муратом я начала бегать на свидания, а Толя делал двусмысленные намёки. Я ломала комедию, что их не понимаю. Мурат даже как-то сказал ему отвалить и не лезть ко мне. Райковский лишь поржал.

– Уроды... оба! – размазываю слёзы по щекам.

Господи... мне с ними ещё учиться три года.

Три года ада. Три года пыток.

И с Кокоревой. Она, небось, со своими подружками вдоль и поперёк меня и Мурата обсосала.

Гул в ушах нарастает. Чем больше я об этом думаю, тем хуже мне становится.

Надо уехать... – мысль бьётся в моей черепной коробке, а следом закономерное: – Как?

Мы в загородном доме Милены. Здесь нет остановок общественного транспорта, да и такси, не понятно, приедет ли. От города, вернее, от кольца километров тридцать-сорок, наверное. Мы ехали куда-то на юг области, посёлки и дачные кооперативы сменяли один другой. Всё, что помню – вывеску с названием коттеджного посёлка: «Земляничные поляны».

Надо посмотреть, приезжают ли сюда такси?

Но чтобы посмотреть, надо выйти из ванной, вернуться в гостиную и взять сумку, где лежит телефон.

Я снова подхожу к зеркалу, смотрю на своё красное лицо. Пятна от неконтролируемого рёва только на лбу. И нос распух от слёз. Сейчас умоюсь и будет лучше.

Включаю воду похолоднее и плещу себе в лицо. Макияж потёк ещё на этапе слёз, так что без колебаний избавляюсь от остатков туши и пудры, тру гребанные стрелки, которые размазались, растеклись и превратились в чёрные круги, как пятна на морде енота. Сдёргиваю полотенце с кольца и вытираю кожу начисто.

Вот бы и память так стереть.

Потому что, чёрт, это больно!

И болеть ещё будет долго!

Без макияжа я выгляжу ещё моложе. Мне бы хотелось, чтобы эта наивность ушла с лица, но, видимо, такое произойдёт только с опытом. Что ж... я сегодня его приобрела. Печальный и горький, но... ждём изменений, как говорится.

Пять минут спустя, я решаюсь выйти из ванной. Воровато оглядываюсь, думая, а все ли уже в курсе, что произошло между мной и Муратом? А может... они уже давно знают, что он с Кокоревой отжигает?

– Вот ты где! – в коридоре показывается Милена. – А я тебя везде ищу. Куда делась-то?

Молча стою, моргаю, смотрю, как приближается подруга.

На ней платье, как у Барби, в обтяг. В ушах золотые колечки качаются. На плечи клетчатая рубашка накинута. Не её, а чья-то. Мужская.

– Ой, а что с лицом, Ульяна? – хлопает длинными ресницами Миленка.

– Не могла бы ты принести мою сумку из гостиной? Я, кажется, её на диване оставила.

– А самой сходить? – Милена морщит нос. – Гостиная-то вон... за углом. Я не носильщик как бы...

– Ну, пожалуйста, – ёжусь, слыша смех народа.

Не хочу туда сейчас идти. Не готова. Может, позже...

– Ладно. Сейчас, – сдаётся.

Минуту спустя, Милена возвращается с моей сумкой. Я вынимаю телефон и открываю приложение такси. На картах долго ищется точка моего нахождения, но, наконец, удаётся сформировать маршрут до дома. Мы живём вдвоём с мамой. Отец умер, когда мне было семь, больше она замуж не вышла. И ни с кем даже не встречалась. Всю жизнь вот так мы вдвоём.

– Ты, что, уезжать собралась? – Милена заглядывает в экран мобильного. – Зачем? Почему?

Я смотрю на нереально огромную сумму, которую придётся выложить на такси. Чего? Такие тарифы тоже бывают? До Москвы доехать дешевле. Нет... столько я тратить не готова. Это почти вся моя стипендия.

– Нет... уже нет.

– Но хотела? Почему?

– Мурат и Марина... – шмыгаю носом. – Они там... а я... тут... – заканчиваю безжизненно.

– Что там? Что тут? Непонятно, – фыркает Милена, качая головой. – Пошли, всё мне расскажешь.

– Куда?

– На кухню пошли.

Я плетусь за подругой, сжимаясь от каждого нового взрыва смеха, долетающего из гостиной.

Мы заходим на кухню, там возле стола стоит Райковский, разливает текилу по низким стопкам. Поворачивает голову и смотрит на меня, прищурившись, липким взглядом. И у меня по позвоночнику проходит неприятный холодок.

Глава 3

– Так, Толичка, свинти-ка отсюда. Нам пошущукаться надо, – командует Милена.
– Сейчас, закончу.
– Быстрее заканчивай.
– Ты же знаешь, я не скорострел, – ржёт, а сам смотрит на меня. – Блин, – ойкает, проливая текилу. – Будете?

– Мы сами себя обслужим, – раздражённо бросает Милена.
Когда Райковский уходит, указываю на дверь и спрашиваю:
– У вас что-то было?
– С чего взяла?
– Ну он сказал «ты же знаешь...»
– Ой, слушай его больше. Балабол, хренов. Но настойчивый, конечно. Нравится тебе? – складывая ладони на столе и наклоняя голову к плечу, тянет Милена.

– Нет... С чего ты взяла?
– А он говорил ты ему нравишься. Если бы не Мурат, посмотрела бы на Толю. Из хорошей семьи мальчик, папа у него высотками на юге владеет. Мать в депутаты рвётся. Там и Толику место пригрето, зуб даю.

Милена просто ходячий канал слухов. Вечно она всё знает. Я тоже, бывает, что-то слышу, но ничего не запоминаю. Подруга же всегда всё на ус мотает и в нужные моменты извлекает новости на свет. Ей бы так лекции запоминать, как сплетни, тогда бы и проблем с учёбой не было. Пока что я её тяну, когда могу. Мне не жалко дать списать, а Милене, которая по многим предметам ни в зуб ногой, очень моя помощь пригождается.

– Откуда инфа? – уточняю.
– Папа рассказывал.

Я знаю, что папа он ей только номинально. На самом деле, он отчим. Родного отца Милена не видела. Дом, где мы сегодня находимся, принадлежит ему. Миленка сказала, он в командировку улетел. Я ни разу его не встречала, да и у Милы квартира в городе, сюда она меня впервые позвала.

Отчим растил её как свою, пока мать Милены не погибла под колёсами автомобиля. Какой-то пьяный урод вылетел на тротуар, сшиб, словно кегли, с десятков людей. Среди них была и мама Милены. Кому-то повезло больше, кому-то меньше. Пролежав в реанимации несколько дней, она ушла. Оставив четырнадцатилетнюю дочь и мужа одних. Милена не любит об этом вспоминать, но, когда рассказывает, говорит отстранённо, будто не про мать, а чужую женщину. Защитная реакция, наверно, такая. Пять лет прошло, но боль не утихает.

– Ну что там у тебя произошло, что ты уезжать собралась? – хмыкает подруга, беря бутылку в руки и разливая текилу по стопкам.

Двигает ко мне.

Мила высокая, бойкай, у неё всегда всё отлично. Да и разве может быть иначе, когда почти всю жизнь прожила с золотой ложкой во рту, или как там говорят. А я из простых. Из рабоче-крестьянских.

– Я не буду, – смотрю на текилу.
– Пей, давай.
– Я лучше сока.
– Какого сока? Не смейся. Если там Мурат Кокорину завалил за твоей спиной, то точно выпить надо. Поверь, станет легче.
– Думаешь?
– Уверена!

Вздыхнув, я беру стопку и опрокидываю в себя. Горькая странная на вкус текила обжигает желудок. Милена пихает мне под нос соль, лайм и командует, что за чем лизать и сосать.

Действительно... неплохо.

И в голове будто светлее. И даже молоточки в висках тише постукивают.

– Так, сразу следующую давай.

– Не-не, ты чего, – отмахиваюсь. – Меня мать прибьёт.

– Ты её тут видишь? А? Мать твою? Нет её... так что не прибьёт. Пей.

Она практически насильно толкает стопку к моему рту.

Я пытаюсь отбрыкиваться, но от Милены не отвертишься. Так что после второй идёт третья. И только потом подруга отстаёт от меня. Подталкивает к высокому барному стулу и хлопает по столешнице.

– Мурат гуляка ещё тот. Этого можно было ожидать.

– Но ты же сама говорила, что я ему нравлюсь, – напоминаю. – Когда он ко мне подкатил.

– Нравишься. Я и сейчас уверена, что нравишься. Но для парней секс очень важен. Ты же ему не дала. А я говорила, что надо было давно это сделать. Тогда, может, и не изменил бы.

– Надоела бы, изменил. К тому же... – краснея, выпаливаю признание. – Он на меня спорил!

Милена не шокирована моим признанием, даже фыркает: мол, не удивила.

– Они всегда спорят! – заявляет с уверенностью. – Всегда и на всех. Не обращай внимание. Это мужики! Они спорят у кого член больше, кто станет чемпионом высшей лиги в этом сезоне, какого размера грудь у аспирантки с кафедры Затоцкого. На что хочешь будут спорить. Спор ради спора. Вот как это называется.

– Но на... на секс... это же гадко! – возражаю.

– Ты наивняк такой, Ульяш. Привыкай. Это жизнь. Прими её такой, какая есть. А к Толе присмотришь. Раз с Муратом не вышло.

Отрицательно мотаю головой.

– Я так не могу. К тому же... он мне не нравится. Он, если честно, жуть на меня наводит. Иногда.

– Ну что он тебе сделает, а? За попу ущипнёт. Он безобидный. Ты пей-пей.

Мотаю головой отрицательно. Опускаю взгляд, смотрю на прозрачную рюмку.

– Чего-то я больше не хочу. Перебор.

– Ой, а вишнёвого лимонада хочешь?

– Угу. Можно.

Милена соскакивает со стула, идёт к холодильнику, роется там и достаёт две тёмные бутылки, покрытые испариной от холода.

– Это не лимонад... – разглядывая этикетки, качаю головой. – Это пиво. Я не буду.

– Да ты попробуй сначала. Оно сладкое и слегка газированное. Так что будет считать – лимонад.

Милена откупоривает бутылку и подталкивает ко мне.

– Пей давай. Ну сделай глоточек.

– Ты меня спаиваешь. Ты же знаешь, я не употребляю.

– Господи... звучит то как... употребляю. Словно я алкашка со стажем, – тянет возмущённо. – Выключай правильную девочку, а? Чего тут употреблять-то? Тебя что с трёх глотков унесёт?

Хочу сказать, что я уже не три глотка сделала, а гораздо больше, но поддавшись на уговоры Миленки, пробую пиво. И действительно: холодное, вкусное, сладкое. Вишнёвый вкус ярко выраженный. И так легко тянется.

Милена подходит к окну, отводит шторы и хмыкает.

– Уезжают.

– Кто?

– Кабель твой, то есть Мурат... и Кокорина. И это верное решение.

– А я как домой поеду?

– А ты у меня оставайся. Зачем тебе куда-то ехать?

– Может, мне к кому-то на хвост сесть.

– Слушай, не майся, а? Кто-то уже выпил и никуда не поедет. Если так домой рвёшься, утром только протрезвеет с утренней зорькой тебя отвезёт.

– Нет, не надо. И не протрезвеет. Может, у вас тут станция рядом есть?

– Нет никакой станции, Ульяна. Забудь ты. Или... – усмехается. – Хочешь Мурата догнать, третьей с ними поехать?

– Нет, исключено.

Мне снова больно. Осознание произошедшего. Осознание того, что меня предали, изменили, а теперь ещё и бросили давит на плечи. Ехали мы сюда вместе и отвезти домой меня должен был Мурат. Он даже маме моей обещал, что доставит в целости и сохранности.

Мама... как я ей скажу, что с Муратом всё? Мы ведь последнее время только и делали, что отношения обсуждали вечерами, сидя за чаем на кухне. Сплетничали, планы строили. Я с таким дебильным придыханием рассказывала ей, какой Мурат классный. Какой внимательный. А теперь... а-а-а... как я ей правду-то скажу?

Накрываю лицо ладонью.

Вторая сама шарит по столу, ищет бутылку с вишнёвым пивом.

Действительно, мне лучше остаться. Это самое верное решение.

Но как же я ошибалась...

Глава 4

Не знаю, каким образом, но я пьянею. Хотя знаю каким. Вишнёвое пиво такое вкусное и лёгкое. И холодное. Что я совсем не чувствую, как оно нагоняет туману в голову. Однако, встав из-за стола, понимаю, что осталась одна на кухне, а перед глазами пелена.

Это слёзы. Они всё-таки вернулись, когда Милена в конце вывела меня на эмоции своими разговорами. Её послушай, так это я чуть ли не виновата в том, что Мурат с Кокориной изменил. И мне стоило с самого начала без промедлений прыгать на член Бойкого.

Но я ведь не из тех, кто ложится в кровать с первым встречным поперечным.

Я вообще ни с кем ещё не ложилась. И навряд ли лягу в ближайшей перспективе.

Потому что отношения – это последнее, чего я сейчас хочу.

Да, фантазировала, как оно будет с Муратом, но на этом всё. Решиться было очень сложно. А я почти решилась.

Хорошо, что почти.

Миленка пошла к гостям, оставив меня приходить в себя на кухне.

Напоила и свалила, – фыркают про себя.

Сюда то и дело долетает музыка и смех из гостиной. Они там веселятся. На самом деле, это хорошо, что Мурат уехал, не могу с ним пока сталкиваться. И что Кокорину увёз тоже хорошо. Марина такая бойкая, что могла бы при всех что-нибудь выкинуть. Оскорбить или высмеять. А я сейчас держусь из последних сил.

– Ой-ой-ой, мир вернись, – закрыв глаза, бормочу, ощущая себя, словно на карусели.

В целом состояние нормальное, но вот это головокружение сбивает с ног в прямом и переносном смысле.

Нужен воздух, – думаю я. – Но, чтобы выйти на улицу, надо пройти через гостиную? Не хочу туда... Не хочу показываться всем.

Нет! – моментально находится ответ на мой запрос. – Есть и другой путь!

Из кухни наружу ведёт ещё одна дверь. Чёрный вход, полагаю.

Пройти по прямой оказывается не так уж сложно, и дверь распаивается без всяких препятствий.

Прохладный весенний воздух конца мая врывается в мои лёгкие. На секунду я опять ощущаю головокружение. И какую-то странную невесомость. Но всё-таки пошатываюсь и упираюсь ладонью в кирпичную стену дома.

Участок вокруг коттеджа большой. Да и само здание немаленькое. Милена говорит, тут даже бассейн на минус первом этаже имеется. Не удивлюсь, если кто-то решит в нём поплавать.

Я такие дома, если честно, только на картинках в интернете и видела. Конечно, знала, что большинство моих сокурсников из обеспеченных семей, но, только приехав сюда, поняла, насколько богата семья Милены.

Хотя какая у неё семья: она да отец, то есть отчим.

Балует он меня, – как-то хвасталась она. – И ни в чём не отказывает.

В доме три этажа, отдельно стоит здание гаража для нескольких машин. А я иду к беседке. Она тоже кирпичная. Одна стена у неё сплошная, три других – открытые. Лишь колонны, подпирающие крышу, очерчивают границы.

Сажусь в плетёное кресло-шезлонг и закидываю ноги на лежак.

Веки сами собой закрываются. Так хорошо здесь. Спокойно. И тихо.

Хоть засыпай.

Дни сейчас жаркие стоят. На термометре чуть ли не тридцатник. Даже не верится, что каких-то три недели назад шёл снег.

На мне тонкий топик и юбка трапеция по колено. Зачем я так вырядилась? Хотела выглядеть красиво перед Муратом. Лучше бы джинсы и рубашку надела. То, в чём привыкла ходить. Но Милена сказала, что парни любят глазами. И когда у нас с Бойким завертелось, я внесла изменения в гардероб. Старалась одеваться женственнее. Думала, это поможет удержать его внимание.

Что ж... оказывается, не в одежде дело, а в том, что под ней.

Мама, конечно, не особо одобряла, эти перемены. По её мнению, мне стоило одеваться скромнее. Она постоянно говорит, что в университет я хожу учиться, а не задницей вилять. Обидно немного такое слышать от близкого человека.

И снова мама... что я ей скажу?

По новой погружаюсь в пучину самоуничтожения. Ощущаю себя реально овцой, как вырядилась Кокорина. Потому что только наивная овца могла решить, что парень, вроде, Бойкого мог ей заинтересоваться.

Что у парней в голове? Почему они изменяют? Почему не ценят?

Каким мудаком надо быть, чтобы поспорить на человека?

Чтобы затащить в кровать, переспать и бросить? Ведь Мурат именно так бы и поступил.

Жаль нельзя вернуться в прошлое, я бы в жизни с ним не связалась. Бежала бы прочь, как от огня. И не слушала убедительных речей Милены, что стоит обратить на Муратика внимание.

Теперь она настойчиво сватает мне Толю, как замену сорвавшемуся во все тяжкие Мурату.

Я накрываю лицо ладонями, стон срывается с губ. Голова плывёт. Я жмурюсь. К проблемам и сердечной боли, добавляется головная. В висках отдаётся стук сердца, а в ушах эхом звучит музыка, которая становится громче, словно в доме открыли окно.

Если честно, я не думала, что Милена позовёт так много народа. Считала, что у нас будет что-то вроде вечеринки для своих. Посидим, поболтаем, поиграем во что-нибудь, фильмы посмотрим. Мы и приехали сюда на трёх машинах. А потом народ вдруг начал подваливать.

Милена сказала, что отца нет и дом в нашем распоряжении. Редкая удача, как она вырядилась.

– Леон улетел в Гамбург. У него там дела, так что надо ловить момент, – подмигнула она.

– Леон... – повторила я имя её отчима. – Прямо, как в фильме. Леон-киллер.

– Он именно что как киллер. Опасный и с ним лучше не связываться, – усмехнулась, кивая.

Прошлое и настоящее перемешиваются в моей голове.

На какое-то время я то ли засыпаю, то ли выпадаю из реальности. Потому что следующее, что я понимаю: чья-то рука настойчиво наглаживает моё бедро под юбкой.

Глава 5

Резко распахиваю глаза и вскакиваю с кресла. Но ощущение липких прикосновений никуда не исчезает. Ещё и голова кружится. Стало даже как будто бы хуже. Тело мне не принадлежит. Одурманенный алкоголем мозг хоть и соображает, но сигналы телу посылает с опозданием.

– Тихо... тихо... упадёшь, глупышка, – подхватывает меня Толя и крепко держит за талию.

Вертолётки, как их когда-то называл Мурат, вращают Землю вокруг меня с бешеной скоростью.

И снова Мурат в моей голове. Никуда не делся. И страдания от его предательства не уменьшились.

Боже... больно-то как... Даже алкоголь не помог.

– Ты чего такая пуганная?

– Я заснула, – пытаюсь высвободиться из его навязчивых объятий. – А ты меня лапал!

– Не лапал я тебя. Ты просто сама ножки раздвинула, и я не удержался.

Он дёргает меня на себя и губами прижимается к уху. Зубы впиваются в мою мочку довольно ощутимо.

Я ойкаю и снова пытаюсь вырваться.

– Ты сама виновата, – продолжает он пороть ересь. – Ходишь, строишь из себя невинность. Глазками хлопаешь, попой виляешь. Я ж не мёртвый, у меня само на тебя встаёт.

– Райковский, ты переходишь любые грани.

– Никаких граней нет.

Мне каким-то образом удаётся высвободиться, у него в плену лишь моя ладонь. Пытаюсь уйти в дом, но меня шатает. Земля летит из-под ног. Я, кажется, ойкаю раз десять подряд. А Райковский хихикает противно так и часто.

– Пьяненькая Ульяна – это нечто.

– Я не пьяна. Да я бы и пьяной с тобой не стала. Пусти меня, пусти, говорю!

Начинаю дёргать свою руку на себя. Но Толя лишь смеётся ещё громче и ещё чаще. Его лицо выплывает, словно из туманной дымки перед моими глазами. Пивной запах неприятно бьёт в нос, когда его губы шлёпают один-два раза по моей щеке. И то потому что я выворачиваюсь, так бы он в рот мой впился.

Фу... противно как!

– Ну куда ты... куда ты... цену себе набиваешь. Не надо, Ульяшка. Мурат идиот, что тебя прошляпил. Ты такая сладкая девочка. Я тебя хочу. Вот, посмотри, какой он твёрдый.

Толя берёт меня за запястье и кладёт ладонь себе на пах.

Я подскакиваю как ужаленная, и бьюсь в его руках, пытаюсь вывернуться, но в итоге оказываюсь пригвождённой к кирпичной стене беседки.

– Пожалуйста, пусти, – пытаюсь оттолкнуть руки, которые настойчиво задирают мне юбку, гладят бёдра. – Пожалуйста, Толь, я не хочу.

– Ты чего такая грустная, Ульяш? Ну изменил тебе твой Мурат. Я же рядом. Я могу утешить.

Липкие прикосновения и поцелуи, слишком крепкие, слишком болючие, терзающие мою шею, становятся невыносимыми. Мне плохо, силы закончились, а Райковский держит, словно в тисках зажимает.

– Не надо, Толь, ну пожалуйста, – хнычу.

Алкоголь, который я по дурости выпила растёкся по всему организму, проникая в каждую клеточку тела, и сделал меня лёгкой и безвольной. Я третий раз в жизни пробовала алко-

голь. И впервые – такой крепкий. Голова кругом идёт. Это всё из-за Мурата. И его измены. Если бы я своими глазами их с Кокоревой не увидела, не поверила бы, что он на это способен.

– Ты такая сладкая, такая невинная, – шепчет Толя мне на ухо, придавливая к стене. – Вы с Муратом уже делали это? Он говорил, что ты не даёшь. Целка ещё? Да? Я буду аккуратным, обещаю. Тебе понравится. Я с целочками уже трахался. Раз и всё. Раз и всё. И больно не будет.

– Толь, я не хочу!

Не знаю, откуда силы берутся, но я всё-таки толкаю его в плечо довольно чувствительно.

– Да хватит ломаться, что ты из себя недотрогу-то строишь, а? – уже раздражённо.

Его ладони задирают тонкий топик, сжимают грудь, наглый язык врывается в мой рот. И тошнота подкатывает к горлу. В ушах лишь свист собственного дыхания и громкое пыхтение Райковского, пытающегося со мной совладать.

– Прекрати, ну прекрати, Толь. Ну не надо, пожалуйста. Не надо... пожалуйста, – мотаю головой.

Разве он слышит?

Слышит он только себя. Вернее, собственные мысли. Фантазии, где он идеальный любовник, а я только и жажду предложить ему себя.

Мне мерзко, отвратительно. Он сосёт и лижет мои губы. Горький привкус алкоголя у него во рту мне противен.

– Да ты расслабься. И не думай ты про Мурата. Он там Кокореву прихаживал, пока ты внизу была, а ты чем хуже? Не маленькая уже.

От слов Райковского мне ещё гаже. Боль придаёт силы, и мне почти удаётся отлепить этого настойчивого идиота от себя. Настойчивого и опасного. Потому что вместе с болью накачивается паника. Толя меня не слушает. Трётся о меня пахом, упрямо кусает в шею и держит, словно в тисках.

Начинаю сопротивляться активнее.

– Нет, я не хочу! Пусти! Пусти!

– Хочешь, – рука его больно сжимает мою грудь и выкручивает сосок. – Хочешь, детка.

– Нет! – со слезами выкрикиваю. – Отстань. Отпусти. Пожалуйста!

Кажется, что эта попытка никогда не закончится, но...

Внезапно я свободна.

Настолько внезапно, что не могу устоять на ногах. Хватаюсь ладонями за кирпич, но не помогает.

Так и съезжаю вниз по стене, к которой Райковский меня прижимал.

– Что здесь, на хрен, происходит? – грозный властный голос звучит над моей головой.

Мне страшно поднять взгляд, потому что это голос мужчины. МУЖЧИНЫ. Не парня. Не кого-то из нашей тусовки. Голос суровый. Конкретный. Очень злой.

Райковский что-то там пытается ему объяснить, но получает короткое и хлёсткое:

– Пшёл вон отсюда!

Мысленно добавляю «щенок» и начинаю смеяться. Хотя мне, блин, совсем не смешно. Мне страшно и плохо. Очень плохо. В висках пульсирует так, что я понимаю, меня вывернет. Как пить дать вывернет прямо на кусты сирени возле беседки. Организм хочет вытолкнуть яд, который я в себя влила, и мне сложно сопротивляться.

Чужие горячие ладони накрывают мои щёки, ощупывают лоб, затем скользят на плечи, тянут бретельки топики вверх, возвращая одежду на место.

Я так и сижу на земле, сжавшись в комочек.

На колени падает рубашка и сверху раздаётся короткий приказ:

– Прикройся.

Глава 6

Я, наконец-то, осмеливаюсь поднять взгляд. Передо мной возвышается тёмная мужская фигура. Физически могу ощущать волны негодования, которые от него исходят.

– Устроила балаган, коза, – выплёвывает он раздражённо.

Коза? Это он про Милену, что ли? Про дочь? То есть падчерицу?

Я сглатываю судорожно, и мой испуганный вздох не проходит мимо его ушей.

– Ты чего застыла? Он успел что-то сделать? Навредил тебе? Ты цела? Всё хорошо?

Его интонация удивительным образом становится мягче. Мужчина опускается на колени и сам берёт свою рубашку, которую я сжимаю дрожащими руками, и накидывает мне на плечи.

Она простого голубого цвета – лёгкая хлопковая. На мужчине осталась белая футболка. Он в чёрных джинсах, как я могу рассмотреть. Высокий, подкаченный с коротким ёжиком чёрных волос. Лоб пересекают две задумчивые морщины, а глаза под тёмными бровями яркого синего оттенка: живые и выразительные. Очень притягательные, практически вводящие в состояние гипнотического транса. Потому что я начинаю отрицательно мотать головой и не могу остановиться.

– Всё хорошо. Никто тебя не тронет, – успокаивает он. – Давай поднимемся и зайдём в дом. Нечего на земле сидеть. Тебя как зовут?

– У... Ульяна, – с трудом разлепляю губы.

И лучше бы я этого не делала.

Потому что волна тошноты с новой силой накатывает на меня.

Не знаю, откуда берутся силы, но я поднимаюсь на четвереньки и отползаю в кусты. Где меня нещадно рвёт.

И я реву... В голове такая каша.

Господи... какой ужас... Меня вырвало на глазах у этого мужчины... А что сказала бы мама, если бы увидела меня в этот момент? Вечер, кажется, не может быть ещё хуже, чем он есть, но нет... Теперь я окончательно опускаюсь на самое дно.

Самое ужасное – менее пьяной я себя не чувствую. Голова по-прежнему кружится.

– Да... садовнику это не понравится... – с каким-то даже смешком доносится до меня.

У него, что, и садовник имеется?

– Простите, – бормочу я. – Я выпила лишнего. Кажется... перебрала. Я... я обычно не пью.

– Ну а сегодня чего-то вдруг решила начать... да? Причина веская?

Думаю, как ему ответить, но отрицательно мотаю головой.

– Это... личное.

Пауза, потом короткое.

– Понятно. Оно всегда личное.

Я вытираю рот рукавом рубашки, потом замираю, понимая, что делаю. Краснею ещё сильнее. Испортила его одежду!

– Простите, я постираю.

– И погладишь, – добавляет он приказным тоном.

Киваю. Да я даже накрахмалю, если это что-то решит. Только бы он не думал обо мне хуже, чем уже думает.

Мне страшно представить, что могло произойти, если бы он не появился. Не факт, что у меня хватило бы сил отбрыкаться от Райковского.

Меня начинает колошматить, трести пуше прежнего, и отец Милены наклоняется, помогая мне встать на ноги.

– Пошли в дом. Посидишь на кухне, пока я эту... шоблу разгоню.

– Шоблу?

– Банду... недоносков. Милена тоже хороша, тащит в дом кого не попадя. Мало ли что пропадёт или разобьют, придётся ей своей головой отвечать.

Кого не попадя это он про меня?

– Простите, – снова бормочу, ощущая себя ничтожеством.

– Чего ты всё извиняешься, Ульяна?

Неожиданно он проводит рукой по моей спине, и я в шоке ощущаю нечто похожее на трепет. Мужская ладонь будто бы оставляет за собой сонм приятных мурашек, и внизу живота внезапно словно завязывается тугой узелок.

– И не надо напрягаться, я тебя не съем, – это он уже произносит, наклоняясь, чтобы заглянуть мне в лицо.

Не успеваю спрятать взгляд, и тону в его глубоком синем. Моргаю, словно идиотка. И пытаюсь отбрыкаться от постыдных ощущений.

Это всё алкоголь! Алкоголь и стресс!

– Извините, я не хотела, – зачем-то снова повторяю, ощущая, как невольно начинает дрожать нижняя губа.

Взгляд мужчины смягчается. Ему, вроде, весело. До меня доходит, что я снова делаю это – продолжаю извиняться.

– Меня Леон, кстати, зовут.

– Леон киллер... – выскакивает у меня. Тут же прикусываю губу и бормочу какой-то бред. – Ну как в фильме том... с... с... с Натали Портман.

– Не смотрел.

– Серьёзно?

– Да. Думаешь, стоит?

– Ну... можно, – тут я окончательно теряюсь. – Простите, я... я не то имела в виду. То есть я не имела в виду, что вы киллер.

– Пошли, – прерывает он мои глупые извинения и внезапно берёт за руку.

Моя ладонь тонет в его ладони: широкой, крепкой. А ещё он высокий. Моя макушка даже не достаёт до его подбородка. Старше меня, сильный, немного пугающий и притягательный. Ему чуть за сорок, и от его уверенности можно потерять свою собственную. Я вот теряюсь то и дело.

Мы заходим в дом через ту же дверь, через которую я выходила... даже не знаю когда. Сколько времени прошло? Который сейчас час?

– Посиди, я скоро вернусь, – кивает он.

Падаю на стул и роняю голову на руки. Но Леон не уходит. Заваривает мне крепкий чай. Я слышу, как вскипает чайник, как со стуком передо мной оказывается чашка с блюдцем, и терпкий ягодный аромат горячей волной доходит до лица.

Хлопает дверь кухни. Я, наконец, отмираю и начинаю тянуть горячий чай. Молюсь про себя, желая быстрее протрезветь.

Мне не нравится это состояние. Больше в жизни пить не буду. Даже не приближусь к бокалу с алкоголем. Брр... Лицо моё перекашивает. Я встаю и с трудом шаркаю до раковины. Там кое-как умываюсь и откручиваю себе бумажное полотенце с держателя, чтобы промокнуть лицо.

В этот момент становится тихо.

Музыка, до этого орущая на весь дом, затихает. Будто какой-то волшебник выключит её одним движением руки. Только это не волшебник, а Леон. И не в магических умениях дело.

Прислушиваюсь... ничего понять не могу. Зато слышу, как где-то снаружи хлопают дверцы машин и заводятся моторы.

Они же все напились... Куда... Как?

Но автомобили один за другим покидают территорию дома. Подхожу к окну, пытаюсь что-то за ним разглядеть. Кухня с другой стороны, и ворот я не вижу. Лишь отблеск дальних фар иногда чиркает по забору.

Дверь кухни распаивается, и я оборачиваюсь. На пороге Милена.

– Вот ты где, – с раздражением произносит она.

Глава 7

Подруга не сдерживает гнев. Она хлопает дверцей холодильника, доставая бутылку воды и открывая её резким движением.

Брызги летят из-под крышки. Милена ругается

– Дерьмо! Вот дерьмо! Чёрт!

– Милена, все уезжают? – зачем-то спрашиваю очевидное.

Пинает стул, который мешает ей подойти к столешнице.

– Конечно, уезжают. Леон появился вдруг, когда не ждали. Кстати, – она тычет в меня пальцем. – А что на тебе делает рубашка моего бати?

– Он... он спас меня, – опускаю взгляд, пальцы сами теребят край рубашки, мнут его нервно.

– Спас? От чего?

– От кого, – поправляю. – От Райковского.

Милена хмыкает.

– А чего Райковский сделал? Он мухи не обидит.

– Мухи не обидит? – вскидываю взгляд. – Мы точно про одного и того же Райковского говорим?

– На словах он Лев Толстой, а не деле...

Хочется прикрыть ушки ладонями. Милена никогда в выражениях не стесняется. А у меня от бранных словечек уши в трубочку сворачиваются. Я иногда завидую её раскованности и уверенности. Это то, чего мне не хватает.

– Он чуть меня не... – понимаю, что не могу это озвучить. – Он лез под юбку, лапал, не отпускал, я не могла вырваться. Он не понимает слова нет. Я очень испугалась. Райковский сильный и... и он собирался... он был...

– Да он пьяный был, – перебивает Милена, когда её в конец выбешивают мои заикания.

– Толя бы не стал против силы ничего делать. Может, ты настойчивость приняла за угрозу?

Она бросает это между прочим и снова делает глоток воды.

А я стою и ушам не верю. Она серьёзно сейчас это сказала?

– Знаешь, Милена, – медленно произношу. – Осталось добавить «сама виновата» или «сама спровоцировала».

– А чего? Парни иногда неверно понимают сигналы. Оденешь юбку покороче для себя... и потому что красиво, а он думает – для него старалась. Вот Толя и решил, что ты с ним заигрываешь. Разве откровенная одежда – не провокация?

– Я нормально одета. И потом, заигрываю с ним, но встречаюсь с Муратом? То есть... мы уже не встречаемся, конечно, но всё же... Я ведь девушка его приятеля... была...

Вот опять мне плохо. Опять перед глазами скачут картинки недавнего прошлого. Кокорева и Мурат... и его шаблонное «ты всё не так поняла».

А как это иначе понять можно? Он, вроде, не врач, и осмотров ей не проводил. Да и разговор их я слышала. Убеждать себя, что мне привиделось? Нет... я не стану. Надо уж принять эту горькую пилюлю и признать, что да, на меня спорили. И хорошо, что я не натворила глупостей до того, как стало слишком поздно.

– Райковский уехал? – осторожно интересуюсь.

Если Толя где-то здесь по близости, то я даже нож готова взять, чтобы защищаться. И пусть меня потом посадят, только бы он больше никогда не касался меня своими липкими руками.

А что в университете делать, как его игнорировать, я пока не понимаю.

– Конечно, уехал. Все уехали. – Она с громким стуком ставит бутылку на стол. Потом бьёт рукой по ней.

Стеклянная бутылка опрокидывается, остатки воды выливаются на стол и со стола на пол. Сама она катится к краю, пока не падает на пол.

Я жмурюсь, ожидая, что стекло встретится с полом и разлетится на мелкие осколки. Но бутылка цела.

Милена поджигает губы, недовольная тем, что ей никак не удаётся в полной мере выместить свою злость хоть на чём-то.

– Я думала, и ты уехала, – вздыхает. – Поэтому удивилась, что ты на кухне.

– Мне не с кем уезжать.

– Да я тебя не гоню. Оставайся. Переночуешь здесь, как и... мать его... планировалось!

– Они же все выпивши... Как они уехали?

– Леон сказал, его это не волнует.

– Надеюсь, нормально доберутся до города.

Милена хихикает.

– А я буду надеяться, что их остановит патруль. И тогда будет весело, когда все попадут на бабки. В понедельник в универе спрошу, пощипали ли их гайцы на трассе. Пусть раскошелятся, родителям позвонят. Вот умора! – Милена смеётся.

А мне не весело.

– Но это же неприятность.

– Да лан, – отмахивается. – В первый раз, что ли?

Но секунду спустя замирает, услышав шаги за дверью. И я тоже застываю, смотря на вход во все глаза.

Когда Леон входит на кухню, кажется, он занимает всё пространство не маленькой в общем-то комнаты. Энергия и харизма, которые от него исходят, словно наэлектризуют воздух. Мне снова тяжело дышать, но уже не от страха. Дыхание перехватывает от его присутствия. И я ощущаю бесконечную неловкость.

– Леон, может, Ульяна у нас остаться или вызовешь ей такси? – с улыбочкой интересуется Милена. – Ребята её забыли захватить.

С ней происходит разительная перемена. Она больше не выглядит злой, становится покладистой и словно бы заискивает перед отчимом.

Леон на падчерицу не смотрит, только на меня. Взгляд у него тяжёлый. Он прибавляет меня к месту и мешает мыслить здраво.

– Завтра сам её отвезу. Пусть ночует.

– И меня отвезёшь?

– С тобой разговор будет.

– Может, сейчас всё обсудим?

– Нет. С утра обсудим. Идите спать. Обе.

Интонация, с которой это произносится, не предполагает продолжения диалога.

– Мы уже, – подсказывает Милена. – Ульяша, пойдём. Я тебя в комнате для гостей положу. Да? – это уже к Леону.

– Да.

Милена, видя, что я не могу двинуться с места, хватает меня за руку и тянет к выходу. Леон с места не двигается. Я прохожу мимо, поднимаю голову и наши взгляды пересекаются. Я тону в его глазах... Они синие, глубокие, искристые и... немного пугающие. Потому что темнеют за долю секунды. И я не понимаю, что скрывается за этой темнотой.

Но стоит переступить порог, морок спадает.

И снова в голове вертолёты. Я даже спрашиваю вслух.

– Это когда-нибудь закончится?

– Что закончится?

– Голова кружится.

– Ох, – смеётся подруга. – Ты выпила немного, а тебе до сих пор плохо? Да... видимо, алкоголь не для тебя.

Ничего себе немного: стопок пять текилы, бутылка пива... для меня это даже очень много!

– Да, не для меня.

Алкоголь не для меня. Мурат не для меня. Эта компания не для меня. И такие мужчины, как Леон, тоже не для меня.

Милена приводит на второй этаж в ту самую комнату, где Мурат кувыркался с Кокоревой. Меня опять мутит.

– Прости, а других комнат нет? – с отчаянием спрашиваю.

– У нас тут не гостиница, располагайся.

Мне дурно от мысли, что буду лежать на этой кровати, на тех же простынях. Хотя можно и перестелить. Но всё же...

– Пожалуйста.

– А эта чем не угодила? – с небольшим раздражением вздыхает.

– Тут Мурат и Кокорева были...

– А-а-а... Господи, какая ты нежная, Ульяна. Скажу тебя, забей... Но если так принципиально... – она хватается за руку и тащит дальше по коридору. – Вот спальня, располагайся. Она с ванной комнатой. А моя в конце коридора, напоминаю. Если что, стучись.

– Спасибо.

Хорошо, что Милена уходит к себе, не остаётся поговорить. Я хочу лишь одно – привести себя в порядок хоть как-то и забраться в кровать.

Что и делаю.

Засыпаю не сразу. Звуки незнакомого дома тревожат меня. Чужих шагов не слышно, но нервными окончаниями я будто ощущаю вибрации. И голоса. Словно кто-то говорит по телефону. Или спорит. У меня, наверное, воображение играет.

Я почти вырубаясь, когда дверь спальни, готова поклясться, приоткрывается на пару сантиметров. Замираю под одеялом. Не дышу.

Я не вижу, кто это... но взгляд ощущаю.

Глава 8

Мне сложно бороться со сном. Практически невозможно. Виноват алкоголь, пережитый стресс и проблемы, которые, наверняка, придут с началом нового дня и новой учебной недели. Одно радует до конца года – всего ничего. И за лето ситуация может забыться, стереться, исчезнуть.

Так что веки настолько тяжёлые, а сон, двумя руками крепко держит меня, утягивая в свои объятия.

Воображение настолько разыгрывается, что, кажется, я слышу чужое дыхание и чувствую слабый, еле заметный аромат терпкого мужского парфюма.

– Спи. Не бойся, – слышится мне.

И я не понимаю: это реальность или игра воображения?

Утром я открываю глаза, и резкий белый свет заставляет меня тут же зажмуриться.

А голова... с головой что-то ненормальное. Если вчера в ней вращались лопасти пропеллера, то сегодня внутри работает отбойный молоток.

С трудом я сажусь на постели. Стены комнаты едут вправо, потом влево, затем обретают постоянные границы.

Во рту сухо и очень хочется пить.

Короткий взгляд по сторонам, вижу стакан воды и таблетки на столике рядом с постелью.

Так вот... он всё-таки заходил. Мне не привиделось. Потому что, когда ложилась спать, всего этого в комнате не было.

Я набрасываюсь на воду, затем принимаю таблетку обезболивающего и плетусь в душ. После которого с огромной неохотой натягиваю вчерашнюю одежду. Сегодня она кажется мне неуместной и неудобной. Это действительно не мой стиль. Как бы я не пыталась выглядеть моднее и подчёркивать фигуру, комфортнее мне в джинсах и оверсайз свитерах.

Милена убеждала, что надо одеваться женственнее, чтобы вызвать интерес у Мурата. Но факт – опять же с её слов, интерес я вызывала не только у Мурата. Да и больше не у кого его вызывать.

Пальцами пытаюсь разделить волосы на ровный пробор. Сколько не промакивай полотенцем, с них всё равно капает вода. Они у меня длинные и тяжёлые, и сохнут очень долго. А когда мокрые – выются и путаются. Небольшим гребешком, который у меня всегда в сумке, это гнездо не расчесать.

Вскоре я выглядываю в коридор, думая, что в доме очень тихо. По крайней мере, на втором этаже. Зато на первом кто-то ходит и стук посуды напоминает, что сейчас время позднего завтрака.

Наверное, Милена уже встала.

Смотрю на дверь её комнаты, потом на лестницу. Куда идти?

И тут же:

– Спускайся, – доносится с первого этажа короткий приказ, сказанный строгим мужским голосом, которого невозможно послушаться.

И против воли лёгкий трепет охватывает меня.

Не это ли ответ на мой мысленный вопрос, куда идти?

Шарю взглядом по коридору: меня на какой-то камере видно или он как-то иначе догадался?

Я спускаюсь и, сделав несколько шагов, оказываюсь в гостиной. Там нет и следа вчерашней вакханалии. Прибрано, чисто, стол накрыт для завтрака.

Леон допивает кофе, параллельно беседуя с мужчиной в чёрном у окна.

– Проверим, – коротко бросает он, затем смотрит на меня, кивает и уходит из гостиной.

– Садись, – бросает мне Леон с некоторой насмешкой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.